

ГЛАВА 1

С тех пор как наш и без того разнообразный быт пополнился норовистым подростком, каждое утро начинается с краткого гуйхалаха неизвестно кому, чтобы сегодня день прошел мирно и не слишком угрюмо. Честно говоря, когда я обнаружила, что у моего мужа есть ребенок от прежней невесты, я ожидала, что это мне будет тяжело с ним выстроить отношения, а получается вовсе наоборот: со мной у Кира контакт, мир и довольство, а с Азаматом не пойми что. Вчера вот опять были проблемы, не знаю, может, Азамату удастся воспользоваться моим методом трудотерапии... Хорошо хоть наш младшенький папу неизменно радует, а то совсем бы мой муженек загрустил. Ну, совсем-то загрустить я ему не дам, в конце концов, не только в детях счастье, как мы вчера неоднократно установили.

Завтрак Азамат приносит мне в постель, как в старые добрые времена.

— Я смотрю, тебе вчера понравилось, — сонно хмыкаю я.

— Конечно, понравилось, — бодро отзывается он, деловито размешивая мне сахар в кофе. Такой муж мне нравится существенно больше, чем то, что бродило с невидящим взглядом по дворцу последнюю пару недель. Протягиваю руку и глажу его по щеке — она еще бугристая, но уже почти нормального цвета. Азамат целует мою руку.

— Ты сегодня в хорошем настроении, — замечаю я.

— Я последовал твоему совету, — улыбается он, подавая мне чашку. — Попросил Кира помочь. Это и правда творит чудеса: он немедленно стал вести себя нормально.

— А к чему ты его припахал? — интересуюсь, кроша на одеяло печеньем. Все равно сегодня все стирать, можно и помусорить.

— Готовить завтрак Алэку. Мне мать рассказала несколько отличных рецептов такого пюре, как ты с Гарнета заказываешь. Алэк уплетает за обе щеки!

Я с трудом проглатываю печенье.

— Ты не мог бы показать мне эти рецепты прежде, чем проверять их на ребенке? И, надеюсь, ты проследил за Киrom, когда он готовил?

Волосы Азамата резко становятся пышнее — как будто хотят встать дыбом, но не могут из-за длины.

— Лиза! Ты что! Кир не причинит вреда Алэку, как ты можешь такое предполагать?!

Ясно. Уровень адекватности: ноль целых хрен десятых.

— Я не имела в виду нарочно, — поясняю по слогам. — У Кира представления о санитарии даже по твоим меркам дикие. Применительно к целительству он, кажется, уразумел, что к чему, но на еду это вряд ли перенес.

— А... — Муж немного теряется. — Извини, я тебя неправильно понял.

— Да, я заметила, — киваю, недоуменно его рассматривая. — И судя по твоей реакции, у тебя у самого были опасения по этому поводу.

— Ну, — Азамат на секунду опускает глаза, — он, конечно, немного завидует Алэку. Но я абсолютно уверен, что Кир не станет ему нарочно вредить. Я понимаю, если бы Алэк был постарше, а так — младенец, ну что с него взять?

— Да нет, они вроде нормально друг к другу относятся. Но ты бы все-таки за Киrom присмотрел, мало ли где он напортачит. Будет хуже, если он что-то сделает не так, а мы никак не сможем узнать, была ли это ошибка или умысел.

— Естественно, я за ним присмотрел, — заверяет Азамат. — Я и овощи вымыл, и все необходимое ему сам выдал. А рецепты, я думаю, хорошие. Ма по ним меня в детстве кормила, видишь, выжил. Да и вообще, она плохого не посоветует. Ты сама говорила, что у нее хорошая интуиция в делах здоровья. У Алэка покупной еды одна баночка осталась, остальное все скисло. Я не хотел тебя будить...

— Ну ладно, живи. А с матерью ты сегодня уже разговаривал, что ли?

— Да, она звонила спросить, как там Аронова девочка. Боялась сразу ему набрать, мол, вдруг дочка не выжила.

Я тяжело вздыхаю. Ийзих-хон могла бы и побольше верить в мои способности.

— Так что, Кир тебя послушался и даже не устроил скандал?

— Именно! Да не просто послушался, мне кажется, он с удовольствием взялся за дело. Видно, и правда ему нравится приносить пользу.

— Ну пойдём, — говорю я, выскребаясь из кровати, — посмотрим на это чудо.

Внутренне мне все же не по себе, я ещё никогда не оставляла Кира с Алэком наедине. Вроде последнее время Кир Алэка принял. Но все равно не по себе.

На кухне моему взору представляется столь умильная сцена, что все сомнения отпадают: Алэк сидит, по всей форме укомплектованный в детский стульчик, а Кир кормит его с ложечки детским пюре, бормоча себе под нос всякие поговорки и прибаутки типа «бог в дом зашел — Алэка нашел, его оглядел и поесть ему велел». Мелкий радостно разевает рот и очень старается ничего не потерять.

— Уть-ти госьпади, — всплескиваю руками. — Прелесть какая.

Кир отвлекается от своего бормотания и как-то виновато смотрит на меня.

— Доброе утро... я тут... э...

— Ты тут молодец, это я вижу, — улыбаюсь и иду налить себе сока.

Азамат отклеивает от холодильника липкий листок и протягивает мне — там несколько рецептов пюрешек. Я прочитываю и одобряю.

— Чем сегодня будем заниматься? — спрашиваю.

— Надо съездить в табун, — задумчиво произносит Азамат, располагаясь на диване под окном. — Через несколько дней приедет Арон, пойдём на охоту. Но я не хочу идти в лес, чтобы нашего мохнатого соседа не беспокоить. А в степи без лошадей никак. Вот, надо выбрать несколько да перегнать сюда. У Кира вообще собственного коня нету...

— Я не хочу на охоту, — тихо говорит Кир.

Азамат на мгновение закрывает глаза, видимо подавляя какой-то порыв.

— Ну, это ты сейчас не хочешь, — говорю. — Погоди, Арон приедет, рассказов понарасказывает, глядишь, и захочешь.

— Лошадь тебе нужна в любом случае, — подхватывает Азамат. — В табун мы поедем все вместе, а одного я тебя дома не оставлю. А будешь капризничать, — Азамат строго сдвигает брови, — заставлю объезжать молодых жеребцов!

Кир не пугается, только морщит нос и отворачивается.

— Это ведь опасно, — неуверенно говорю я. — Лошадь ведь может сбросить и копытом наподдать... и вообще.

— Конечно, опасно, — соглашается Азамат. — Поэтому я очень надеюсь, что Кир будет вести себя хорошо. — Он многозначительно смотрит на сына. Кир снова корчит рожу.

— Ну нет, дорогой, так не пойдет, — мотаю головой. — Еще покалечишь мне ребенка! За плохое поведение будет навоз убирать за этими самыми лошадьми. Безопасно, зато противно. Но вообще я не вижу, почему бы это Кир вдруг стал плохо себя вести. Подумаешь, не хочет человек на охоту. Я вот тоже не хочу, меня же ты не станешь за это заставлять объезжать лошадей.

— Да тебя и заставлять не надо, — хохочет Азамат, вероятно вспомнив нашу весеннюю вылазку. — Я вообще не знаю, стоит ли тебя в этот раз к лошадям подпускать, еще разбегутся, ищи их потом по степи!

— Я могу и дома посидеть, — говорю.

— Да нет, — вздыхает Азамат. — Не сердись, Лиза. Я хотел тебя попросить обратно унгуц отогнать, потому что мы-то верхом вернемся. Не Алэка же за руль сажать.

— Ладно, — милостиво соглашаюсь. — Так и быть, поработаю пилотом. С тебя ужин и сказка детям на ночь.

— Обязательно, — склабится Азамат.

В степи ветрено и зябко, на траве то ли снег, то ли иней, но лошади еще пасутся. С одного из шатров сорвало часть внешней обивки, и двое пастухов под аккомпанемент цветистых выражений закрепляют все обратно. К нам выбегает мужик из Долхота, который в свое время восхищался Азаматовыми боевыми навыками. Он, кстати, воевал, пока война шла на планете, получил награду и потерял палец на руке. Я же ему протез и ставила.

— Ахмад-хон! — радостно восклицает он на бегу к нам. — Простите ради небес, у нас тут небольшая авария... Хо-

тон-хон! Да благословят вас боги! Я уж думал, вы тут больше не появитесь.

Добежав, он кланяется, заложив руки под мышки. Потом вынимает и разводит ими:

— Ба-а, да и оба князя с вами!

— Счастлив будь, — приветствует его Азамат и подталкивает Кира, который быстро кивает. Алэк, примотанный к папе, машет кулачком.

— Как палец? — спрашиваю я.

— Отлично! — Пастух улыбается так широко, что зубы мудрости видать, и выставляет вперед грязноватую пятерню. Палец и правда неотличим от других, даже уже пожелтел от табака. — Я о нем и помню-то только потому, что положил себе за правило каждый вечер возносить гуйхалах за вашу целительную силу, Хотон-хон!

— Спасибо, — киваю я.

Кир с интересом рассматривает руку пастуха и косится на меня.

— Ну что. — Азамат окидывает взглядом пасущихся лошадей. — Показывай прошлогодних жеребцов побойчее, надо сыну подобрать достойного спутника.

Кир пригибает голову, но пастух не замечает: рассыпается в уверениях, что у них все лошади первоклассные, а потом увлекает нас за собой в гущу копытных.

— А что у него было с пальцем? — тихо спрашивает Кир у меня.

— Лазером отрезало, — пожимаю плечами. — Я бы просто пришила его обратно, но эти идиоты потеряли сам палец, так что пришлось ставить искусственный.

Кир поудобнее складывает брови и делает вид, что ему все понятно.

Внезапно из-за шатров раздается визг и лай.

— Филин!!! — вопит Кир и уносится на звуки.

— Ох ты ж... — оборачивается Азамат. — Как бы этот пес с местными не подрался, я и забыл о нем совсем. Пойдемте посмотрим...

Мы довольно резво добегаем до шатров и видим там эпическую картину: Кир в окружении местных собак одной рукой вцепился в ошейник рвущегося в бой Филина, другой сжимает какую-то длинную железяку и грозит ею пастушьим собакам.

Азамат выкрикивает раскатистую команду, так зычно, что эхо от гор возвращается. Местные псы поджимают хвосты, отбегают и ложатся. Филин облизывается, садится и машет хвостом как ни в чем не бывало.

— Давай-ка его на поводок, — уже человеческим голосом предлагает Азамат.

Кир косится на него с таким видом, что, если бы у него был хвост, обязательно бы поджал, но поводок достает.

— Да сам уже понял, — бурчит под нос.

— Ишь ты какой у вас пес! — ахает пастух. — Никак худульский горный?

— А то! — ухмыляется Азамат. — Дворняг не держим.

— Вот это кто-то одарил своего Императора! — продолжает восхищаться пастух, обходя вокруг Филина, который склонил голову набок и смотрит вопросительно, мол, чего ходишь, может, вкусное что предложишь?

— Это князя пес, — качает головой Азамат.

— И где ж вы его взяли, Нойн-хон? — допытывается пастух.

— Нашел в лесу, — кратко отвечает Кир. — Мамку медведь задрал.

Пастух отрывается от созерцания пса и переключается на Кира.

— Одна-ако, Нойн-хон хорошо знает леса...

Кир ощетинивается и отворачивается.

— Ладно, — прерывает их Азамат. — Ты хотел нам показать жеребца. Пойдемте, а то уже за полдень.

— Так Филин — породистый? — спрашиваю я Кира.

— Угу.

— А что, это какая-то редкая порода? — продолжаю я.

Кир смотрит на меня, как будто заподозрил у меня Альцгеймера.

— Естественно. Это же худульский горный пес.

— А чего Гхан с ним так обращался тогда? — недоумеваю я. — Он ведь дорогой, наверное.

— Ну я что, дурак, Гхану говорить, что у меня пес породистый! Он бы его продал сразу, и все. Я и сам двух других щенков продал, которых нашел.

— А, так Гхан не знал?

— Конечно нет, — нетерпеливо вздыхает Кир. — С его ногой только в окна заглядывать, смотреть, как богатые люди живут!..

Кир осекается, поняв, что ляпнул лишнего. Я кладу ему руку на плечо.

— Азамат работает над тем, чтобы в приютах стало лучше жить.

— Знаю, — буркает Кир и поддегивает поводок покороче, чтобы Филин не запутался в лошадиных ногах вокруг.

— Ну вот, например, — громко произносит пастух, оставиваясь около горы рябого меха. — Второгодочка, быстрый, как стрела. Небольшой, мальчику подойдет.

— Мы не на год коня подбираем, — замечает Азамат. — Князь скоро с меня ростом будет, куда ему небольшого конька?

Скотина обиженно фыркает. Кир старательно изображает, что его это все не касается.

— Ну вы хоть прикиньте... — разводит руками пастух. — Зверь-то правда хороший. Давайте я собачку подержу.

Кир хмурится и отдает поводок Азамату. Обходит лошадь спереди, трогает за морду. Мне даже на это смотреть страшно — щас этот конь его как укусит! Но ничего, вроде обошлось. Кир кладет руку скотине на хребет, примеривается и запрыгивает. Конь оборачивается посмотреть, что это за дрянь прилипла у него к спине. Кир отдает тихую команду, и конь нехотя трогается с места. Филин понимает, что хозяин уезжает без него, и заливается испуганным лаем. Со стороны шатров ему откликаются местные. Алэк решает немного похныкать.

— Спокойно! — с нажимом приказывает Кир. — Я никуда не ухожу.

Лучше всего это действует на Алэка. Мы с Азаматом хихикаем.

— Ишь ты, как пес переживает, — раздается у нас за спиной голос другого пастуха, который с севера.

— Да, они такие друзья, звездолетами не растащишь, — довольно отвечает Азамат, не отвлекаясь от созерцания Кира на коне.

Северянин здоровается со мной и присматривается к Филину.

— Неужто худульский горный?..

— Он самый! — поддакивает второй пастух.

— Вот это да... За сколько ж вы его купили, Ахмад-хон? Если не секрет?

— Его сын в лесу нашел, — бездумно отвечает Азамат, внимательно следя, как Кир спорит с конем о скорости перемещения. Животное ленится переходить на галоп.

Пастухи переглядываются. Я с интересом изучаю их мимику — вроде как свои люди, не станут же они красть собаку своего князя, правда? Но какой-то заговор тут явно происходит.

Кир возвращается рысью и спрыгивает с лошади.

— На этом ездить — только ругаться, — сообщает он.

— А, так вам *послушного* надо? — с плохо скрываемой усмешкой спрашивает северянин. — А мы думали быстрого...

— Ему хорошо бы неленивого, — отрезает Азамат. — Конь должен сначала переходить на галоп, а потом уже спрашивать зачем. А этот только и оборачивается, мол, уверен наездник? А может, еще порысим?

Кир улыбается в воротник, пастухи снова переглядываются. Да что такое, не пойму?

Пастух-северянин подводит нас к другому коню, побольше. Мне против света вообще не видно, где он там заканчивается. Шерсть у него белая с серым. Наверное, если бы был короткошерстным, был бы в яблоках, а так просто рябой. Кир рассматривает его безо всякого энтузиазма, выслушивая похвалы пастуха. Как и с первым, знакомится, погладив по морде. Потом заходит сбоку, подпрыгивает, чтобы дотянуться до хребта, и подтягивается на руках. Конь издает возмущенное кудахтанье и дергает с места куда-то в бескрайние просторы. Киру удается его притормозить примерно через полкилометра.

Азамат качает головой.

— Вы чего, лошадей нормально объездить не можете? Куда это годится?

— Да он послушный, только пугливый немного, — оправдывается северянин.

— Да? — грозно переспрашивает Азамат. — И почему ты решил, что сыну Императора подойдет пугливая лошаденка? Мне что, приплатить вам нужно, чтобы лучшего коня получить?

Кир возвращается и спрыгивает на землю, даже не пытаясь высказаться по поводу лошади: Азамат и так за него говорит.

— Ну, ну, не кипятитесь, Ахмад-хон! — Пастух поднимает ладони. — Давайте я вам самого-самого послушного коня покажу. Вот, пожалуйста.

Он подзывает зеленовато-бурую скотинку с несчастными глазами. Кир глубоко вздыхает и тихо-тихо говорит:

— Отец... А можно мне... покрасивее?

Азамат хмыкает и хлопает Кира по плечу.

— Пройдись-ка ты вокруг, сынок, да присмотри себе сам какого хочешь.

Кир забирает у него Филина и уходит в гущу лошадей, а мы остаемся отчитывать пастухов. Минут через пятнадцать ребенок возвращается верхом и вполне довольный. Скотина под ним черная с ярко-рыжими гривой и хвостом, как у моего Пудинга, Филин трусит рядом, довольно погавкивая.

— Вот. — Кир демонстративно объезжает вокруг нас. — Этого хочу.

Азамат хлопает коня по шее:

— Да, неплохо, неплохо. Полуторалетка, да?

— Ему год и семь, — говорит пастух-долхотчанин. — Но этот с норовом, абы кого к себе не подпускает.

— Сын у меня тоже с норовом, — усмехается Азамат. — Достойная пара.

Кир напрягается, пытаюсь понять, похвала это была или укор.

— Хороший, хороший, — заверяю его я. — Ты, Кир, я смотрю, вообще со зверьем легко ладишь.

Ребенок смущенно кивает.

К нам приближаются остальные два пастуха, наконец-то сладившие с шатром.

— Здоровья вам, Ахмад-хон, Хотон-хон, — в унисон желают они, кланяясь. — Извините, что сразу не подошли, — продолжает один. — Видите, на этом ветру чуть крышу не унесло.

— Да я смотрю, она у вас закреплена как-то хлипко, — замечает Азамат. — Так на малых шатрах крепят, на большом и не будет держаться. Вы бы...

Дальше он пускается в объяснения технологии, которых я не понимаю, так что я переключаюсь на Кира. Он довольно гладит по гриве своего нового коня.

— А тебе не нравятся такие серебристые, как у Азамата? — спрашиваю.

Кир невнятно поводит плечом.

— Я пойду еще проедуся, — говорит он вместо ответа и отчаливает под веселый лай Филина.

— Хотон-хон, — негромко окликает меня пастух-долхотчанин. — Может, вы знаете, почем собачку-то покупали?

— Да не покупал ее никто! — пожимаю плечами. — Чего вы заикнулись? Мы Кира вместе с собакой нашли, с собакой и забрали.

— А-а... — странным тоном протягивает северянин. — Ну тогда конечно, приходится говорить, что нашел, это понятно. Императорский сын все-таки, негоже...

— Думаете, я не слышу?! — вопит у меня за спиной Кир. — Я его не крал! Я знаю, что все думают, что я его украл, но я не крал!!!

Он подлетает к нам и спешивается, на щеках красные пятна, в глазах слезы. Я беру его за локоть — ишь как его проняло!

— Кир, успокойся, чего ты так переживаешь?

— Того! — Ребенок разворачивается ко мне и продолжает тем же громким, надорванным голосом: — Меня это уже достало! Все думают, что я вор! А я его не крал!!!

— На меня-то не кричи, — говорю. — Я знаю, что ты его не крал. Что ты так нервничаешь из-за двух идиотов, которые только и годятся коров пасти?

Кир замолкает неожиданно для самого себя, зато я замечаю, что Азамат больше не обсуждает устройство крыши, а наблюдает за развернувшейся сценой, одной рукой покачивая Алэка.

— Я слышу, — говорит он негромко, но угрожающе, — что *моего сына* здесь обвиняют во лжи и воровстве. Уж не потому ли были такие проблемы с подбором лошади, что вы считаете князя недостойным своего титула?

— Прощения просим, Ахмад-хон! — выпаливает долхотчанин, низко кланяясь. — Никого не хотели обидеть, удивились неуместно, не гневайтесь!

Азамат кивает и отворачивается обратно к работягам. Долхотчанин тычет северянина под ребра, мол, тоже неплохо бы извиниться.

— Да ну к шакалу, — шипит северянин. — Какой он ему сын? Шваль безродная!

Кир бросается на него, но не успевает ничего сделать, потому что кулак Азамата, внезапно оказавшегося очень близко, прилетает пастуху в ухо. Он валится на землю. Повисает

неприятная тишина. Я осторожно носком ботинка подтолкнуваю тело — оно стонет.

— Не убил, — с ироничным сожалением говорю я.

— Еще чего, — огрызается Азамат. — За такую падаль компенсацию платить. Пускай своим потом зарабатывает. Только не здесь.

Я беру за локоть Кира, который нервно сглатывает, переводя взгляд с разгневанного отца на побитого обидчика. Азамат подает не лучший пример своим поведением. Кира я пыталась отучить ровно от этого, а его образец для подражания внезапно выкинул тот же самый номер. Ну зато теперь видно, в кого мальчик растет.

— Еще кто-то из присутствующих хочет высказаться по поводу моего сына? — тихо интересуется Азамат.

— Отличный парень! — выпаливает долхотчанин. Двое других молчат, опустив головы.

Азамат задумчиво кивает и оборачивается к долхотчанину.

— Тебе поручаю найти замену этому недоумку. Чтобы завтра его уже тут не было. Вы двое, — бросает он остальным пастухам, — приведите мне двух послушных серебристых коней лет пяти. Послушных. Серебристых. Лет пяти. Двух. С первого раза справитесь?

Он так зыркает на пастухов, что даже мне делается жутковато, несмотря на общую комичность Азамата в пестром слинге с сонным младенцем. Кир весь напрягся. Пастухи вообще того и гляди обделаются — кивают, как болванчики, и бегом кидаются выполнять приказ. Через две минуты перед нами образуются заказанные кони. Азамат берет их за подбородки обеими руками и ведет прочь, туда, где стоит наш унгуц. Я, Кир, Филин и Киров жеребец плетемся следом. Алэк, которого перестали покачивать, принимается хныкать.

Когда мы отходим на изрядное расстояние от пастухов, Азамат немного расслабляется и перестает испепелять взглядом траву под ногами.

— Не расстраивайся, малыш, — неожиданно дружелюбно говорит он Киру. — Идиотов вокруг много, и ты, конечно, еще натерпишься оскорблений. Но помни, что подобные высказывания позорят не тебя, а того, кто их делает. Ты конем доволен?

Кир кивает, почесывая гигантское копытное под мордой.

— Вот и отлично, — улыбается Азамат. — Тогда, я думаю, пора домой. Лиза, ты не возьмешь маленького в унгуц? Я боюсь, он устал и хочет вернуться поскорее.

— Давай.

Кир наблюдает за передачей Алэка, постепенно приходя в себя. У меня на руках мелкий начинает намекать, что нехреново бы пожрать.

— Подожди немного, — говорю. — Тут лететь десять минут, дома поешь.

— Отец... — тихо окликает Кир.

— Ау? — оборачивается Азамат, закрепляя на мне концы слинга.

— Вы... вы верите, что я не крал?..

— Конечно, верю, — не задумываясь отвечает Азамат. — Ты мне до сих пор никогда не врал, так почему я должен сомневаться?

Кир пожимает плечами, но на лице его хорошо заметно облегчение. Я глажу его по руке.

— Филин к тебе так привязан, что сразу видно, ты его из беды выручил, — говорю. — Он с вами побежит?

— Да, — несколько раз кивает Кир. — Он может сколько угодно бежать, до дома — это вообще легкотня.

— Ну ладно, тогда мы с Алэком полетели. И да, Азамат, спасибо за демонстрацию. Теперь я знаю, как ты «объясняешь подходчивее».

Азамат смущается.

— М-да, немного не сдержался, вообще, конечно, мне не подобает лично силу применять. Прежние Императоры на такой случай с собой стражу таскали, но мне это как-то не очень удобно... Да и кто бы мог предполагать...

Алэк принимается скулить, и я поспешно вставляюсь за руль. Кажется, Кир снова голову повесил, ну ладно, придут — тогда и будем разбираться.

Дома я первым делом кормлю Алэка. Он уже вовсю ревет, так что готовить или греть утреннее некогда, обхожусь молоком. Зубы пока не начали резаться, так что мне ничто не мешает. Алэк вообще развивается во вполне земном темпе, разве что чуть-чуть ближе к верхнему порогу нормы. Хотя и мунданжец наполовину, все же не такой неторопливый, как местные дети.

Однако ребенок что-то оголодал на совесть: выпил все, что было во мне, и потребовал еще. Я, правда, сегодня почти ничего не ела, только печенье утром. Видимо, молока было мало. Приходится достать из морозилки и разогреть пакет со сцеженным молоком. Оно не такое вкусное, да и вообще, скорее всего, кто-то просто выпендривался: пару глотков сделал из бутылочки, и все, больше не хочет. Вот переводчик продукта маленький! И уже хнычет, изворачивается, пора спать.

Уложив мелкого, устраиваюсь на кухне с остатками вчерашнего супа и раздумываю, что делать с целой бутылкой теплого молока. Снова замораживать — нехорошо, в следующее кормление я бы лучше свеженького мелкому дала. Не блины же на нем печь...

Азамат с Киrom добираются до дома довольно быстро. Я слышу ржание лошадей на улице, лай Филина. Табун пришел к нам домой, да. Высовываю нос за дверь.

— Вы бы уняли зверье, — говорю. — Мелкий спит.

— Да-да, извини, — быстро кивает Азамат и машет Киру, чтобы шел за ним располагать коней в стойлах на стоянке унгуцев.

Филин залезает в свою конуру, и я ставлю размораживать для него кусок мяса.

Кир заходит в дом радостно-возбужденный, без напоминания моет руки и покрасневшее лицо.

— Там в микроволновке еда для твоего драгоценного пса, — говорю. — Я не стала его кормить, подумала, ты сам захочешь.

— Спасибо, — скалится ребенок и бежит к конуре.

— Ну что. — Азамат тоже моет руки и распахивает холодильник. — Как насчет хшур?

— Отлично! — в один голос одобряем я и вернувшийся Кир.

— Поможешь? — лукаво спрашивает Азамат через плечо.

— Ага! — с готовностью соглашается Кир. Потом заглядывает сбоку от Азамата в холодильник. — А можно чего-нибудь быстренько перекусить? Может, сыр какой-нибудь завалился?

— Моего молока хочешь? — усмехаюсь я, поскольку так и не придумала, что с ним делать.

— Вашего? Это как? — не понимает Кир.

— Ну, грудного. Вон в бутылке стоит. Я для Алэка сцеживаю, а он не допил.

Кир смотрит на меня так, как будто у меня выросло три головы.

— А что, *можно*?

— А почему нет? — пожимаю плечами. — С ним ничего не сделаешь. Правда, предупреждаю, оно не очень вкусное. Азамату, например, не нравится.

Азамат следит за Киrom с ухмылкой. Алэк не первый раз молоко не допил, и я уже пыталась заставить Азамата его утилизировать. Он сначала бормотал, что это как-то неправильно, а потом попробовал и долго мучился, как необходимо мне сказать, что это ужасная гадость — *сладкое молоко*, фу-у-у. Я могла бы и сама догадаться, что он будет плевать. Мне-то тоже не очень нравится. Вот теперь Кира честно предупреждаю.

Кир оборачивается к отцу:

— Правда можно?

— Да пей уже, если так хочешь, — усмехается Азамат, снимая с бутылки соску. — Но оно действительно... э-э... специфическое.

Кир благоговейно берет бутылку и осторожно отпивает из горлышка, закрыв глаза. Потом некоторое время ждет. Потом открывает глаза и счастливо смотрит на меня.

— Оно прекрасное. Спасибо. Можно я допью?

— Пей, господи, сиротинушка, — прыскаю я. — У меня еще целый ящик в морозильнике этого добра, и свеженькое на подходе.

Кир медленно, небольшими глотками и причмокивая употребляет всю бутылку, потом еще несколько раз благодарит меня и почему-то Азамата. Муж тем временем принимается рубить мясо для хшур. Покончив с молоком, Кир берется за тесто. А я сижу и кайфую: мужики работают, ребенок спит, лошади в стойле, пес в конуре, куница в вольере, котята на диване. Да еще в доме прибрано — уборщик приходил. Лепота.

После ужина я усаживаю Кира разматывать нитки, а сама продолжаю вязать. Под это дело ставлю следующую передачу про тритонов и саламандр. Азамат сидит с нами и отвечает на письма. Прекрасный вечер в кругу семьи. Кир наостряется

разматывать нитки не глядя и жадно читает субтитры. Даже выучивает несколько слов на всеобщем.

На ночь Азамат читает нам всем сказки, как и обещал. В том числе странную сказку с сюжетом вроде «О царе Салтане», только вместо одного Гвидона в ней фигурируют золотой мальчик и серебряная девочка. Муданжские сказки вообще странные, но эта особенно удалась: мать главных героев злые враги живьем зарыли в землю, однако лет через двадцать раскаявшийся муж ее откопал, и она неплохо сохранилась. Принялась петь и танцевать, уговорила плодоносить какую-то засохшую яблоню и напоила своих взрослых женатых детей медом из грудей. Я понимаю, конечно, почему сегодня Азамат выбрал именно эту сказку, но как бы мне кошмары сниться не начали от таких сюжетов. На Кира, впрочем, кажется, впечатления не произвело.

— Последняя сказка была ужасная, — сообщаю мужу, укладываясь в постель.

— Да-а, — урчит Азамат. — Она очень древняя, а в древних сказках больше символов, чем красоты. Но я подумал, что Киру будет полезно ее послушать. Материнское молоко — это очень важный символ на Муданге. Ты ведь знаешь, у нас женщины редко кормят сами, так что это своего рода благословение Богини-Матери. Спасибо тебе, что его угостила. Я подумывал тебя попросить, но решил, что это будет уже слишком, ты и так его очень хорошо приняла.

— Он поэтому десять раз разрешения просил? И потом благодарил тебя за что-то? Я уж так и подумала, что тут какое скрытое значение.

— Да уж какое скрытое, — хмыкает Азамат. — Его родная мать ему ни капли не дала в свое время, а тут вдруг ты, чужая, в общем, женщина, предлагаешь целую бутылку. Вот это я понимаю, прием в семью.

— Давно бы сказал, — пожимаю плечами. — Может, он бы быстрее к нам привык.

— Я думаю, если бы ты ему прямо сразу молока предложила, он бы решил, что мы опасные безумцы, — смеется Азамат. — По-моему, все вышло просто отлично, потому что не нарочно. Может, он теперь успокоится наконец. Эх-х... — Азамат подгребает меня поближе и трется щекой о мою макушку. — Может, кончились наши невзгоды, как ты считаешь?

— Не загадывай, — кривлюсь я. — *Нас* так просто в покое не оставят.

Лошадь — это не только средство передвижения и спутник жизни, это еще и классная увлекательная игрушка, навроде нового телефона. И мои мальчики явно в детстве не наигрались. Вот уже полдня выгуливают своих скотов, меряются, чей выше прыгает, и учат мелкого командам. Он, правда, визжит все что угодно, только не то, что нужно, и лошади немного нервничают.

Я постояла понаблюдала за этим развлечением минут двадцать, зевнула и пошла домой консультировать страждущих на форуме. И вот как раз когда я обдумываю, как бы потактичнее и попонятнее объяснить некоему зажиточному фермеру, что с его сыном все хорошо, а вот у него самого запущенная паранойя, мне звонит Алтонгирел.

То есть звонит он не совсем мне, а просто на местный большой бук, которым мы с Азаматом пользуемся неразлично.

— А, — говорит, — это ты. Здравствуй. Где Азамат?

— Выгуливает детей и зверей, — отвечаю. — И тебе привет.

Алтонгирел откачивается сначала в одну сторону, потом в другую, как будто хочет удостовериться, что муж не стоит у меня за спиной, подслушивая разговор.

— Да нету его, — говорю. — Он на стоянке.

— Угу. — Алтонгирел усаживается поудобнее и вдруг пригибается к экрану и спрашивает шепотом: — Ну как они ладят?

— Последние пару дней ничего, — задумчиво склоняю голову. — Хотя Кир по-прежнему странноватый. Вроде все хорошо, всем доволен, вдруг смотришь — опять надулся. Вчера, например...

Я кратко пересказываю вчерашний эпизод с побитым пастухом. Алтонгирел смотрит на меня пристально и корчит самые невообразимые рожи. В конце он страдальчески потирает лоб и некоторое время молчит.

— Что скажешь, духовник? — спрашиваю.

— Наверное, хорошо, — медленно начинает Алтонгирел, — что Азамат двинул этому полудурку.

— Конечно, хорошо, — удивляюсь я. — Есть сомнения?

— Я в том смысле, — продолжает Алтоша, — что раньше бы он так не сделал. До твоего появления он принимал оскорбле-

ния как должное, никому даже в голову не приходило, что ему обидно...

Я нетерпеливо вздыхаю.

— Ну естественно, у него с тех пор повысилась самооценка! Если ты не заметил, его вообще-то Императором сделали, а такие вещи обычно влияют на отношение к себе, знаешь ли. Я поражаюсь, как этот козел посмел рот открыть. Это ж надо быть таким кретином, чтобы опустить сына Императора в его присутствии! На что он рассчитывал, интересно? Что Азамат глухой?

— В том-то и дело, — хмурится Алтонгирел. — Если бы этот мужик самого Азамата оскорбил, Азамат бы сдержался. Он вспылит из-за мальчишки. Это, конечно, тоже кое-что говорит об этом... как ты его называешь... сомнении. Пастух, конечно, идиот, но сама ситуация показательна: народ не принимает безродного князя.

— Но официально Кир — не безродный, — возражаю я.

— Ага. И все, конечно, верят.

— Хочешь сказать, Азамату что-то угрожает? — озабоченно спрашиваю я.

Алтонгирел пожимает плечами.

— Он сам себе главная угроза. Надо было найти мальчишке приличную семью на Гарнете, а лучше еще подальше, назначить пособие и расслабиться. Кого повоспитывать-то найдется, вон у тебя спиногрыз растет. А Азамату этот мальчишка важнее должности. Ну как так можно? — Алтонгирел тяжело вздыхает. — Теперь все время будут проблемы. Ну допустим, половина населения верит в вашу сказку. Но вторая половина уж точно догадывается, как все было на самом деле. Потому эти ваши пастухи и лошадей показывали плугавеньких, чтобы пацан не зарывался, не думал, будто ему теперь все кланяться станут. А-а! — Духовник раздраженно отмахивается. — Вот упрямый шакал...

Это он про Азамата, я так понимаю.

— Алтонгирел, — окликаю я, пока у него перерыв в тираде, — а ты Кира принципиально по имени не называешь?

— Да нет, — пожимает плечами духовник. Потом поднимает на меня встревоженный взгляд. — И ты туда же? Азамат — я еще понимаю, он всю жизнь мечтал завести кучу детей. Но тебе-то какое дело, как я называю этот сборник проблем? Он ведь даже не твой.

— Ну-у, — я склоняю голову набок, — знаешь, мне как-то удобнее считать его своим, иначе приходится делить семью. Опять же, он-то не виноват, что безродный и что у Азамата из-за него проблемы. Да и потом, он довольно милый, особенно когда не психует. Вчера вообще была такая лапочка, я его своим молоком угостила, так он...

— *Что-о* ты сделала?! — вытаращивается Алтонгирел, хватаясь за край экрана для устойчивости.

— Ну у меня осталось лишнее в бутылке, — раздраженно поясняю я. Подумаешь, какая невидаль.

Алтонгирел проводит руками по лицу и волосам, как будто умываясь.

— Ты все-таки больная на всю голову, — резюмирует он.

— Да ну тебя, — обижаюсь. — Что ни скажу, все плохо.

— Э-э, да нет, я... в хорошем смысле, — исправляется духовник.

Я ржу. Он еще пытается оправдаться, потом сдается.

— Вы с Азаматом в самом деле идеальная пара, — скрипит зубами. — Ты его в любом сумасбродстве поддерживаешь, да еще и опережаешь. Я вообще не представляю, как твои дикие выходки выглядят для этого вашего Кира. Он ведь, когда повзрослеет, станет важным человеком на планете.

Я соглашаюсь, что Кир с нами, раздолбаями, тяжело, прощаюсь и отключаюсь как раз перед тем, как мои возвращаются в дом. Едва Азамат показывается на пороге кухни, становится ясно: они снова повздорили.

— Что на сей раз? — тихо спрашиваю я.

Азамат устраивает Алэка в манеже, падает в кресло и устало трет лицо руками.

— Я уже ничего не понимаю. Мне кажется, я так долго не выдержу.

Кир, застывший у двери по стойке «смирно», при этих словах подбирается.

— А у тебя есть выбор? — поднимаю бровь. Мне не нравится, как Кир стоит. Как бы не рванул куда-нибудь. — Кир, иди сюда.

Ребенок осторожно приближается, поглядывая на дверь. Азамат смотрит в пространство. Я прихватываю Кира за плечи и направляю на диван, чтобы сидел рядом со мной и далеко от двери.

— Ну что вы там опять не поделили? — спрашиваю, поглаживая его по затылку.

— Ничего, — почти беззвучно отвечает Кир.

— Я просто попросил его пришпорить лошадь, — рассказывает вместо него Азамат. — После чего внезапно катание нам стало не интересно, и мы, не объясняя причин, развернулись и пошли домой. Я не понимаю, Кир. Я что, невежливо к тебе обратился? Или тебе показалось, что я недостаточно высоко оцениваю твои способности наездника?

Ребенок смотрит в пол блестящими глазами.

— Или вчера, — продолжает Азамат, — я недостаточно ясно сказал, что ты можешь выбрать любую лошадь и сколько угодно ее гонять, чтобы убедиться, что она тебе подходит? Или, может, твой конь сбил копыто, а я и не заметил, бесчувственный придурок?

Кир резко втягивает воздух, явно еле сдерживая слезы.

— Азамат! — шиплю я. — Перестань!

Но муж, похоже, разошелся не на шутку. Он встает и принимается мерить шагами кухню, непрерывно перебирая варианты.

— Или ты обижаешься, что я вчера не убил этого подонка? Я вообще считаю, что убивать людей — плохо, но ради тебя готов поступиться принципами. Может, ты хотел бы, чтобы я оставил место Императора и увез тебя куда-нибудь на другую планету, где бы никто не тыкал пальцем и не обзывался? В принципе можно и так, если тебе от этого станет легче. Надеюсь, ты не против, если Лиза и Алэк поедут с нами? — Азамат застывает напротив Кира со странным отчаянным выражением на лице. Ох-хох, да он не иронизирует, он это всерьез...

— *Отстань от меня!!!* — взрывается Кир, подсакивая с места. — *Я по горло нажрался твоими тупыми предложениями!!! Неужели так трудно — просто оставить меня в покое?!*

Ребенок дрожит, по щекам текут слезы. Азамат совершенно ошарашен. Я протягиваю руку успокоить Кира — Азамат его довел, конечно, это ясно, но, может, если он выговорится и выплачется...

Кир стартует с места по направлению к двери, и Азамат рефлекторно ловит его за руку.

— Подожди, Кир, ну давай все обсудим...

Ребенок дергается, как будто его током долбануло, и выкрикивает на пределе легких:

— *Убери от меня руки, урод!!!*

Я разеваю рот, не зная, что сказать. Азамат отпшатывается с таким видом, будто его побили плеткой. Кир, воспользовавшись свободой, скрывается за дверь — и я слышу, как хлопает входная.

Азамат стоит, глядя в пол, и слегка покачивается. Я сползаю с подлокотника дивана — и когда на него приземлилась-то? — и подхожу обнять мужа, но он не реагирует.

— Вот в чем дело, — тихо говорит он. Я понимаю, что он плачет. Прижимаюсь крепче. Азамат закрывает глаза. — Конечно, он не может долго меня терпеть. Кир очень красивый мальчик...

— Он очень похож на тебя, — замечаю тихо.

— На того, кем я когда-то был, — поправляет Азамат.

— Да у тебя шрамы-то уже почти не видны, — принимаюсь уговаривать я. — Цвет здоровый, кожа тянется, чувствительность нормальная. Подумаешь, неровно! Ты же его почти не трогаешь! И вообще, поначалу у него никаких претензий к твоей внешности не было. Дело в чем-то еще...

— Лиза, — Азамат прерывает меня с безысходной твердостью, — я бы сам с радостью был глухим. Или тупым. Но ты сама все слышала.

Как же я хочу возразить!.. Но — нечего.

Кир возвращается уже потемну. Я сижу внизу и раскладываю пасьянс в буке. Один за другим, один за другим. Злюсь, нервничаю, глупо себя чувствую. Азамат заснул, укачивая Алэка, и я так его и оставила в детской комнате на кровати Тирбиша. Бедный мой, весь день ходил совершенно убитый. На Кира зла не хватает — такое с отцом сделать! Ох, попадись ты мне...

Вот он попадается. Заходит тихо, осторожно прикрывает за собой дверь. Я сижу в темноте, он меня не сразу замечает, только когда я с клацаньем захлопываю крышку бука и выхожу на кухню. Вздрагивает, вжимает голову в плечи и пятится. Я сжимаю зубы — не потому что не хочу его обругать, а потому что муданжских слов у меня на такой случай недостаточно, а родные он не поймет. Молча, рывком открываю холодильник, достаю лотки с мясом и гарниром, бутылку молока. С грохотом ставлю все это на стол, распаиваю дверцу микро-

волновки и ухожу обратно в гостиную. Звукоизоляция в доме хорошая, Азамата не потревожу.

Кир начинает шуршать на кухне — выкладывает себе что-то на тарелку, ставит греть, остальное убирает. Наливает молока, убирает бутылку. Умывается. Достает ложку и садится есть. Я вижу его, только когда он подходит к раковине, остальное время — слышу. Я хочу пойти и залепить ему подзатыльник, но это не исправит ситуацию. Били его и раньше, и сильнее. И оставляли без ужина. Он не полюбит Азамата от того, что я поступлю с ним так же. От того, что накормлю и поглажу по голове, конечно, тоже не полюбит. А все остальное не важно. Так что пусть ест, мне не жалко. Ах да, еще же витамины.

Снова выхожу на кухню, Кир пригибается к тарелке, следит за мной из-под спутанных волос. Сейчас ведь изгваздает в жиру. Достая баночку с шипучими таблетками, растворяю в стакане порцию, ставлю на стол перед Киrom, не смотрю на него, не смотрю, иду в гостиную. Наверное, если я его тресну, станет легче. Вот прямо сейчас. А что будет потом? Он станет от меня шарахаться. Не поверит, что ему здесь желают добра. И то сказать, в данный момент я совершенно не желаю ему добра. Но если я доведу это до его сведения, Азамату не будет лучше. Азамат хочет, чтобы сын его любил. И чтобы отец его любил. А люблю его только я. И вынуждена терпеть этих двух козлов, как же они похожи! Может, Кир на самом деле — внебрачный сын Аравата? Он ведь хотел завести еще, да Ийзих-хон от него сбежала... Но нет, я же делала тест. И лучше забыть, что мальчишка похож на деда, иначе точно врежу.

Мои размышления прерывает сам Кир. Заходит в темную гостиную и топчется у входа, нерешительно покхекивая. Поднимаю голову.

— Простите... — хрипло начинает он и осекается, видимо, по моему лицу хорошо видно, что не прощу. — Мм... Мне мыться сегодня?

— Как хочешь, — по возможности бесстрастным голосом отвечаю я и возвращаю свое внимание к буку.

— Мн... кхм... а... где отец?

Я шурюсь на него, с трудом удерживаясь от замечания, мол, не заслужил ты право его отцом называть.

— Спит.

Кир кивает и замолкает, но не уходит. Я невидящим взглядом смотрю в бук и жду. Экран гаснет.

— Вы... сердитесь? — тихо и сипло спрашивает Кир.

Я отвечаю не сразу, чтобы не взорваться.

— Я в ярости, — говорю тяжело. — Я не хочу тебя видеть и слышать.

Он кивает и поспешно ретируется в кухню, а оттуда в прихожую. Надо надеяться, пошел к себе. Потому что если он сбежал... нет, я даже думать не хочу, что станет с Азаматом.

Я просиживаю внизу всю ночь. Даже гармарра не усыпляет сегодня. Только уже хорошо засветло понимаю, что можно попробовать лечь. Лифт стоит внизу, значит, Кир им не пользовался. Я не пойду проверять, у себя ли он. Мне хватило один раз обыскать весь дом, когда он пропал. Обойдется, много чести маленькому засранцу. Иду в нашу с Азаматом спальню — где нет Азамата — и падаю на постель, как есть, в домашних штанах и халате, не переодеваясь, даже не накрывшись одеялом. К счастью, засыпаю.

ГЛАВА 2

Днем меня будит Азамат. Он бледный и осунувшийся. Я недовольно ворочаюсь и понимаю, что отлежала шею.

— Лиза, — зовет муж, — ты не заболела? Скоро уже солнце сядет...

— Я поздно легла, — говорю, сажусь и принимаюсь растирать шею сзади. — Дай мне вон тот синий тубик...

Азамат не просто дает мне тубик, но и втирает содержимое в больное место.

— Ты сам-то как? — спрашиваю, расслабляясь под его уверенными руками.

— Ничего, — вздыхает он. — Кир сказал, ты его теперь не увидишь.

— Ты с ним разговаривал? — удивляюсь.

— Ну так... Мы перекинулись парой слов. Я попытался с ним поговорить нормально, но он отмалчивается, а я не хочу навязываться. Если уж ему неприятно мое общество...

— А жирно ему не будет? — рыкаю я. — Он немного не в том положении, чтобы выбирать, общаться с тобой или нет!

Тебе не кажется, что кто-то зажрался вообще? Поначалу дрожал, как бы не убили, а теперь, видите ли, отец ему рожей не вышел!

— Лиза, не кипятись. — Азамат устало упирается лбом в мой затылок. — С этим ведь ничего нельзя поделать. Он же не со зла, не нарочно. Не каждому дано терпеть уродство.

— Пациентов как-то терпит. И потом, Алтонгирелу вон тоже было не дано, однако научился, — напоминаю я.

— Да, но у него на это было пятнадцать лет, и он знал меня до того. Ты слишком многого хочешь от ребенка.

Я хочу плакать. Азамат даже не злится на него! Он это просто принимает как должное! Господи, куда я попала...

— Он хотя бы извинился? — спрашиваю без особой надежды.

— За что? — пожимает плечами Азамат. — Он ведь просто сказал все, как есть. А что на повышенных тонах — так я его сам дожал.

У меня нет сил спорить и доказывать, что Киру еще как есть за что извиняться. Алтонгирел полагает, что у Азамата выросла самооценка? Шаз-з. Хотя, может, она и выросла, только вчера снова упала ниже плинтуса. Господи, я даже не знаю, как выдержать хоть пять минут в обществе этого мелко оборванца!

— Тебе принести завтрак? — читает мои мысли Азамат.

— Не надо, — мотаю головой. — Ты чем занят-то?

— Да так, упражнения делаю по учебнику, который твоя бабушка прислала.

— Я думала, ты закончил с ней заниматься.

— Ну, интенсивный курс закончился, теперь я только иногда сдаю ей чтение или грамматику. Вот, сию учусь.

— А Кир?

— Гуляет с собакой. Я ему сказал, чтобы на закате возвращался ужинать, но до заката еще часа два.

— Понятно. Ладно, ты иди занимайся, я скоро спущусь.

Азамат меня оставляет, а я пытаюсь собраться с мыслями. Что делать, если не справляешься с ребенком? А что делать, если не справляешься со своим отношением к ребенку? Меня всю жизнь учили: не ладится дело в семье — обратиться к специалисту. Пусть у меня есть сертификат самостоятельного родителя и я не обязана раз в месяц ходить на консультации с семейным психологом. Но не обязана — не значит не

могу. Я имею право получить поддержку в трудный момент, и от этого моей самостоятельности не убудет. Вот бабушка, когда маму растила, регулярно обращалась за консультацией, потому что свято верила, что сертифицированный психолог лучше знает, отчего ребенок безобразничает и как с ним поступить. И мама выросла настолько здоровым человеком, что даже Алтонгирел заметил, хотя бабушка — тот еще монстр. Со мной и Сашкой мама, правда, по консультациям не таскалась, но мы были тихими, целеустремленными детьми, и с нами лучше всего работала политика невмешательства. Короче говоря, маме повезло. А мне нет. А раз нет, значит, нужно поступать как бабушка. То есть обратиться к специалисту.

Мне становится легче уже от одного того, что я приняла это решение. Теперь осталось понять, к кому бежать. Очевидный вариант — связаться с каким-нибудь рекомендованным профи с Земли, но он мне не нравится по двум причинам: во-первых, конфиденциальность консультации может быть нарушена по политическим соображениям, а мне совсем не хочется, чтобы в случае конфликта Муданга с Землей у наших чинуш были в руках такие козыри, как внебрачный сын Императора. А во-вторых, ситуация на Муданге настолько сильно отличается от земной, люди тут думают настолько иначе, что земной специалист может и не разобраться.

Так что обращаться надо к кому-то из местных. Стандартный вариант — к духовникам — отпадает, потому что Ажгдийдимидин сам с предрассудками, а Алтонгирел уже посоветовал все, что мог, и это было симптоматическое лечение. Про других духовников мне и думать боязно. Остаются мирские Старейшины, например... Унгуц. Кстати, мне еще когда Ажгдийдимидин рекомендовал к нему обратиться по вопросам воспитания! Будь он нормальным человеком, я бы послушалась, а так... Ну ладно, не стоит больше откладывать, звоню сейчас же!

Унгуц принимает вызов сразу, как будто ждал звонка.

— А-а, Лиза-хян! — радуется он, и мне становится теплее от его улыбки и не хочется омрачать его веселое лицо моими тоскливыми проблемами. — Я все думаю, когда же ты позвонишь? Неужто советы старого Унгуца уже никому не нужны?

— Ой нужны! — говорю с чувством. — Вы себе не представляете, как нужны. Причем нужнее всего они были пару месяцев назад, но, может быть, еще не все потеряно.

Унгуц ставит бук на пол и откидывается на подушки.

— Ну рассказывай, что у вас там стряслось.

И я рассказываю все с самого начала, с того, как мы снимали Кира с крыши, — и до вчерашнего нашего куцевого разговора.

Унгуц кивает, гримасничает, иногда посмеивается, качает головой. Даже вчерашние события его не печалят, и я начинаю волноваться, вдруг он отмахнется от меня, не воспримет нанесенное Азамату оскорбление как повод для переживания.

Наконец моя история заканчивается. Унгуц еще некоторое время сидит и задумчиво кивает. Потом начинает говорить:

— Кто бы мог подумать, что Азамат способен настолько подавить своего подопечного. Мальчик-то с амбициями...

— Что бы там Азамат ни сделал, — глухо отзываюсь я, — он не виноват, что Кира не устраивает его физиономия.

Унгуц отмахивается:

— Не думаю, что у него на самом деле такой утонченный вкус. Скорее, он просто хотел сказать Азамату что-нибудь ужасно обидное, а это подвернулось на язык.

— Он преуспел, — поджимаю губы. — Еще бы понять зачем.

— Это-то как раз ясно, — поднимает брови Унгуц. — Хотел дожать до предела, чтобы все про него всё окончательно поняли.

— В смысле... — хмурюсь я, — адаптация? Хотел посмотреть, что будет, если мы всерьез разозлимся?

— Не думаю, — мотает головой Унгуц. — Он уже и так понял, что вы не станете его наказывать, как было принято в приюте. Скорее, мальчик просто не понимает, зачем вы тратите на него столько сил. Особенно отец, конечно. Ты-то правильно его, раз-раз, к работе приставила, тут помоги, там сделай, за хорошее поведение гостинец. Это он понимает, тебе нужны в хозяйстве руки, поэтому ты его терпишь. А Азамат, наоборот, зачем-то откладывает работу и свои нужды, чтобы с ним, Киrom, возиться. В приюте такого никогда не было, кому он там нужен, заниматься с ним. За любое благо нужно платить, а чем — непонятно. Потом, Азамат не рассчитал сложность заданий, а

мальчик решил, что не справляется, не заслуживает отцовского внимания. И перестал заниматься, потому что, ну, чего хорошему человеку, да еще Императору, тратить время на бездаря? А потом пошло-поехало. Он чувствует себя лишним в семье, старается ни в чем не участвовать, но Азамат все равно его вынуждает, все пристаёт с вопросами, с предложениями, тратит свое время, да еще обижается, вон другого хорошего человека побил... Парень старается поменьше бывать дома, чтобы поменьше привлекать к себе внимания. А вчера Азамат, как ты справедливо заметила, его «дожал». Это ж надо — предложить ради одного маленького Кира бросить пост, планету, друзей и чуть ли не семью! Мальчик понял, что единственный способ восстановить справедливость — это так насолить отцу, чтобы тот его выгнал. Вот и все.

Я пялюсь в экран стеклянными глазами. Да. Давно надо было поговорить с Унгуцем. Очень давно. Он действительно все поставил на свои места. И мне бы, конечно, в голову не пришло, что у Кира такие идеи. На Земле даже приемные дети считают себя центром Вселенной и твердо знают, что им все должны. Я просто никогда бы не подумала, что ребенок может считать себя недостойным чьего-то внимания. Это ненормально и болезненно. Чертов Муданг.

— Лиза-хян? Ау, ты здесь? — с усмешкой окликает меня Унгуц.

Я возвращаюсь в реальность.

— Угу... Старейшина, но что же мне теперь делать?

— А вот это хороший вопрос, — грустнеет Унгуц. — Хорошо бы попытаться поговорить с мальчиком. Объяснить, что он все не так понял. Но это будет тяжело, даже если с тобой он в принципе согласен разговаривать. Азамата лучше пока вообще не тормоши.

— Но я же должна ему сказать, что его внешность тут ни при чем!

— Вряд ли он поверит, — вздыхает Унгуц. — Боюсь, что тебе придется потерпеть его кислую физиономию до тех пор, пока Кир сам ему все не объяснит.

— Это может быть еще через полгода! — ужасаюсь я.

— Может, — кивает Унгуц. — Но если ты сейчас попытаешься все объяснить Азамату, он только усвоит, что сам виноват в несчастьях ребенка. Ты этого хочешь?

Я живо себе представляю, как Азамат кидается вымали-

вать прощения за свою нечувствительность и запугивает ребенка так, что тот пешком уходит обратно в приют. И правда, пожалуй, нужно начинать с другого конца.

— Чем я еще могу тебе помочь, доченька? — ласково улыбается Унгуц, следя за моими гримасами.

— Наверное, пока ничем. Попробую поговорить с Киrom, если он явится к ужину, конечно. Спасибо вам, Старейшина, — с душой добавляю я. — Никогда больше не пренебрегу вашим советом.

— Да-а, — отмахивается Унгуц. — Ничего я тебе особенно не присоветовал. Азамат мог бы все то же сказать, если бы свое детство вспомнил. Я ведь по нему сужу. Он хоть и не безродный, но у Аравата под палкой привык чувствовать себя виноватым во всех невзгодах. Ладно, иди, перебирай свою крупу, авось какая каша сварится...

Азамат на кухне за пиалой с перченым чаем ковыряет упражнение на первое лицо глаголов.

— Какой-то у тебя странный язык, — говорит. — По законам все складывается, а в словаре написано, что так не бывает...

— Что, например?

— Да вот, тут слова-исключения. Как это может быть, что нельзя сказать «я победу»? Что это за пессимизм такой?

Я начинаю смеяться.

— Надо просто как-нибудь в обход сказать, типа «одержу победу».

Азамат пожимает плечами.

— Или вот еще. «Сосать» — «сосу», так почему не «пылесосу», а «пылесосу»?

— Потому что не «пылесосать», а «пылесосить», — хохочу я.

— Странный язык. — Азамат качает головой, глядя, как я угораю. — Но я рад, что тебя повеселил.

— Где тут у тебя завтрак? Или обед... Я готова к принятию пищи, — говорю, отдышавшись.

— На плите суп-пюре... только в большой кастрюле, а в маленькой — это обед Алэка остывает. — Азамат вдруг как-то мрачнеет и добавляет: — Кир отказался помогать его варить.

Я поджимаю губы. В принципе логично, если он добивается, чтобы мы его вытурили.

— Я говорила с Унгуцем, — сообщаю. Азамат смотрит на меня с надеждой. — Он кое-чего предположил. Все-таки Кир не думает о тебе так, как сказал. Он просто хотел тебя ползить.

Азамат склоняет голову и не отвечает.

— Послушай, — продолжаю. — Расскажи-ка мне поподробнее, из-за чего у вас вчера начался скандал?

— Да на пустом месте, говорю же. — Азамат нехотя отрывается от экрана. — Он плелся за мной еле-еле, я его раз подогнал, два подогнал, а он все сзади тащится. Я сбавил скорость, чтобы с ним поравняться, так он еще сбавил. Я говорю, у меня нет столько времени, чтобы с твоей скоростью ползти до Желтых Камней, а он развернулся — и назад галопом.

Задумчиво киваю. Очень похоже на то, что говорил Унгуц. Азамат снова утыкается в свои упражнения.

Я ем в тишине, потом подкармливаю Алэка молочком. Режим летит к чертям. Муж напряженно долбит по клавишам, заполняя пропуски в предложениях. Мне больно на него смотреть. Не знаю, как высижу до тех пор, пока удастся поговорить с Киrom.

— Пойду прогуляюсь, — говорю.

Азамат кивает, хотя я не уверена, что он меня услышал.

Я надвигаю высокие меховые сапоги, вставляюсь в короткую шубу и выхожу. На улице свежо, небо подернуто очень тонкой дымкой облаков, даже солнышко просвечивает. Ветра почти нет. Для прогулки хорошая погода. Я обхожу вокруг дома, проверяю, не выглядывают ли мамыны растения из-под снега — кто-то из сыновей сторожа должен был их укрыть. Некоторое время торчу на берегу, любясь Долом, прекрасным во все времена года. Потом разворачиваюсь и топаю по самой широкой тропинке просто потому, что она самая широкая. От нашего дома есть три тропы — на запад по берегу, на северо-восток в лес и на север к стоянке унгуцев, а оттуда в степь. Вот в ту степь я и ползу без особых идей.

Стойла, построенные в углу стоянки еще до войны, открыты, лошадей в них нет. Оглядевшись, замечаю двоих серых слева, под крутым склоном. Они щиплют сухую траву, торчащую между камней. Видимо, их выпустили погулять. На горизонте в степи маячит третий, кажется, со всадником. Вот, значит, где Кир гуляет, когда возвращается домой в ночи. А ну-ка...

Я спускаюсь по склону туда, где топчутся серые кони. Один стоит довольно близко, и я его подзываю. В упор не помню, как подзывать муданжских лошадей, да и имен этих скотов я не уловила, поэтому обхожусь универсальным:

— Пс-ст!

Как ни странно, конь поднимает голову и подходит поближе. Склон достаточно крутой, чтобы я смогла залезть на спину лошади сверху, хотя, конечно, корячилась долго. Хорошо хоть вышла в штанах. Однако серая громадина вытерпела мои издевательства без возражений, и я все-таки уселась верхом. Только теперь вспомнила, что управлять лошастью мне нечем. Мужики как-то их по шее хлопают... Ох, нашла я опять приключений на свой главный мыслительный орган!

— Давай-ка потихонечку во-он туда, за Киrom, — негромко предлагаю я коню. Помню, что, если кричать, они ускоряются. — Только медленно, понимаешь, ме-е-едленно.

Конь некоторое время стоит в задумчивости, но я не помню, каким словом его запустить, так чтобы не сразу в галоп. Наконец он трогает шагом в нужном направлении, и я облегченно выдыхаю. Растопырываю пятки, чтобы не дай бог не пришпорить это исполинское существо. Мне за его ушами цели-то не видно.

Однако конь подвозит меня ровнехонько к Киру. Не знаю, понял ли он мою просьбу или просто пошел к человеку, который может объяснить доступно, что мне нужно от бедного копытного. Кир смотаться не пытается: сидит верхом, повернувшись ко мне боком, и смотрит выжидательно.

— Привет, — говорю осторожно.

— Здравствуйте, — еще осторожнее отвечает Кир.

А вот бы я еще знала, как продолжить этот разговор. Ладно, попробуем в лоб.

— Кир, послушай. Если ты добиваешься, чтобы мы вернули тебя в приют, то зря. Мы никогда этого не сделаем.

Он сдвигает брови.

— Почему?

— Потому что за каждым нашим чихом следит вся планета. Все знают о тебе. Ты существуешь для огромного количества людей. Ты не можешь просто исчезнуть, как будто тебя никогда не было.

— А если я не хочу с вами жить?

— Почему не хочешь?

Кир отворачивается и молчит.

— Нет уж, дорогой. — Я складываю руки на груди. — Если ты хочешь каких-то изменений, будь добр, объяснись.

Ребенок пару раз глубоко вздыхает и наконец выдает:

— Вы мне не нравитесь. Мне было лучше в приюте.

Он настолько откровенно врет, что мне даже становится его немножко жалко. Наверное, ему было очень трудно это сказать.

— Чушь, — отмахиваюсь, и его лицо вытягивается. — Если ты хочешь заслужить расположение отца, никогда не ври.

— Я не хочу! Мне не нужно его расположение!

— Еще как нужно, — возражаю я. — Ты просто отчаялся его получить. А зря. Азамата очень легко обрадовать. Но обидеть — еще легче.

— Да он вообще сумасшедший! — выкрикивает Кир так истерично, что его конь делает пару шагов назад и прядает ушами. — Вы слышали, что он сказал?! Он хочет все бросить и улететь отсюда из-за меня! Я его позорю! Почему он не может просто меня отослать?!

— Кир, успокойся. У меня от твоих воплей лошадь нервничает. Азамат просто хочет, чтобы тебе было хорошо. Нормальные отцы обычно этого хотят. Он не понимает, почему ты не хочешь с ним общаться. Пойди и объясни ему все, попробуй договориться.

Кир опускает глаза и закусывает губу.

— Он что, сам не понимает, что я ему не нужен?

— Ты ему очень нужен, — вздыхаю. — А вот быть Императором он никогда не хотел. Люди решили за него, и он не смог отказаться. Ему это тяжело дается, он так же, как и ты, боится всех разочаровать. Ему гораздо интереснее с тобой кататься на лошадях, чем сидеть во дворце и составлять документы. Не усложняй ему жизнь, Кир, пожалуйста.

— Да это он все усложняет! Что во мне такого интересно-го? Давно бы уже забыл про меня и горя не знал.

— Он не может про тебя забыть. Я же говорю, ты уже существуешь. Для него и для всех. Все, пути назад нет, ты не можешь стать опять неизвестным и никому не нужным. Ты не можешь все бросить и начать заново. У тебя нет другого выбора, кроме как помириться с отцом. Ты все равно останешься с нами, как бы ты ни ругался и ни выпендривался. Ты только причинишь ему боль, как вчера, но это *все равно* ничего не из-